

андрей гозак

архитектор
мыслитель
человек

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации и рекламы
города Москвы

Андрей Гозак
Архитектор, мыслитель, человек

Составитель:
Людмила Красилова

Рецензенты:
Ю.П. Волчок, кандидат архитектуры, профессор Московского архитектурного института, руководитель отдела Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства;
Ю.В. Ратомская, старший научный сотрудник Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева

Выпускающий редактор:
Елизавета Григорьева

Корректор:
Екатерина Ароян

Дизайн-проект
Дмитрий Мордвинцев

Изготовление оригинал-макета
Студия ABCdesign
Верстка: Екатерина Юмашева, Даниил Бондаренко
Подготовка изображений: Екатерина Юмашева,
Александра Корсакова

УДК 72.036
ББК 85.113(2)
А65

Андрей Гозак. Архитектор, мыслитель, человек / авт.-сост. Л.А. Красилова. — М.: Кучково поле Музеон, 2019. — 408 с.: ил.

ISBN 978-5-6041282-3-7

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва, ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 307
Издательский отдел: +7 499 253 90 01
kpolemuzeon@gmail.com
www.kpole.ru

Подписано в печать 12.03.2019.
Формат 70×108/8 (250×250 мм)
Тираж 1000 экз.
Заказ № JT-19-0580

© Красилова Л. А., сост., ил., 2019
© Коллектив авторов., тексты, ил., 2019
© Мордвинцев Д. В., дизайн-проект, 2019
© ООО «Кучково поле Музеон», издание, 2019

На предыдущем развороте:
А.П. Гозак размышляет.
Фото В. Лабутина.
Из архива И.В. Коккинаки

На следующем развороте:
**А.П. Гозак на Лесном кладбище
(Скугсчюркогорден) в Стокгольме.**
Фото В. Гуманкова

содержание

1 биография 14

2 студент мархи 20

3 архитектор 56

4 европеец 144

5 правозащитник 170

6 писатель 184

7 художник 252

8 выставки 286

9 фотограф 294

10 педагог 314

11 путешественник 338

12 друг 362

13 семья 384

14 цитаты из жизни 394

послесловие 398

список авторов 400

именной указатель 402

Людмила Альбертовна Красилова Планета Гозак

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были...*

В.А. Жуковский
«Воспоминание», 1827

Прошло уже более пяти лет как Андрей Павлович Гозак покинул этот мир. Его нет с нами, но он жив в памяти. Жив и любим. Он сделал много добра многим людям и оставил воспоминания в душах многих.

Время неумолимо движется вперед, сменяя поколения. Мне захотелось, чтобы память и образ Андрея Павловича не исчезли, чтобы те, кто идет нам на смену, увидели его таким, каким мы помним его — жизнелюбивым, тонким интеллектуалом, жаждущим знаний, ищущим справедливости, прямолинейным, громогласным, добрым, искренним и умеющим дружить.

Пришло время собирать камни.

Андрей Павлович ушел явно не вовремя, скоропостижно, не успев доделать всего, что задумал, начиная с мелочей, например купить новое пальто и поехать с другом в Италию на все лето. Не увидят свет новые книги, которые он задумал. Книги об архитектуре и архитекторах, его друзьях. Одна из книг должна была стать воспоминанием о многочисленных встречах с всемирно известными архитекторами, с которыми он дружил, знал лично или встречался. Много поучительных, удивительных, смешных историй должно было войти в это издание. Чего только стоит история о встрече с Захой Хадид в Суханово, когда выяснилось, что лучшая закуска к водке — это арбуз. Или байка о хранящемся у А.В. Иконникова в шкафу ружье. Были задуманы поездки в Среднюю Азию и Финляндию, по местам столь любимым. Жизнь казалась бесконечной, и планов было громадье.

В записной книжке против фамилий ушедших друзей ставился очередной православный крестик и философски замечалось, что «наших ТАМ больше». Вот теперь Андрей Павлович рядом со своими близкими, любимыми,

кумирами, учителями, друзьями и приятелями. И как бы это ни было печально, все правильно, все идет своим чередом, как надо.

Андрей Павлович был очень разный: многогранный, противоречивый, отчаянный, дурашливый, непримиримый, очень нежный, мог заплакать, вспоминая сочный помидор из Средней Азии, таял, когда общался с ребенком, говорил тихо-тихо, чтобы не напугать... Был бесстрашным, если обижали его любимых, мудрым, а в каких-то ситуациях признающим себя полным дураком, пробивал стену, для достижения цели, соперничал и помогал обделенным и обиженным, не ценил деньги, ценил знания и душевную компанию, любил одиночество среди любимой архитектуры, но и делился с друзьями своими архитектурными открытиями. От души радовался победам друзей, изучал антологию мата, применял его смачно и вовремя. Тщательно готовился и волновался каждый раз перед лекциями, которые в результате были экспромтом, относился к себе и к тому, что делал, критически, говорил, что писать безумно трудно, рисовать проще. Был неприхотлив в быту, но аккуратен, точен в работе, порядок на рабочем столе, в голове и мыслях был идеальный, не вел ежедневников, помнил все без них, памятные даты отмечал в календаре, висящем на кухне, усердно обзванивал друзей, поздравляя их с праздниками. Ценил тишину, вслушивался в нее.

Любил жизнь, жить собирался долго, о смерти не думал.

А как он любил книги. Они были одушевлены, это были его друзья, которые научат, не предадут, утешат, развеселят. Книги были родными, надежными, любимыми и прочитанными по многу раз. И отдельно лежала большая стопка «новичков», ждавших своей очереди. Палыч читал много, с упоением, страстно, карандашом подчеркивал интересное и увлеченно, эмоционально рассказывал о прочитанном. Книги стояли на полках в двух комнатах. Их было очень много. Библиотека была огромна, и каждая книга стояла на своем месте, и место каждой было известно. Книги не пылились годами в шкафах, они жили и помогали жить Андрею Павловичу. Никогда ранее не видела, чтобы человек так любил книги. Хотя у нас дома огромная библиотека, и к книгам относятся трепетно, но чтобы так... На полях страниц — еле заметные (чтобы не попортить) карандашные заметки мелким круглым почерком. Когда возникала необходимость в какой-либо книге, Андрей Павлович безошибочно ее

доставал с известного места, бережно клал на стол, оглаживая рукой. С каждой книгой была связана история. Помните, было время книжного дефицита. Каждая новая книга входила в дом как праздник, неся радость и гордость за обладание новым чудом. Андрей Павлович листал страницы аккуратно, медленно, не торопясь, разглаживая каждую, видя свои заметки, вспоминал старую историю, связанную с книгой или текстом.

Вообще, он мог рассказывать сразу три истории одновременно и не путался, в нужном месте возвращаясь к предыдущему сюжету, а затем, развивая его, начинал новую сюжетную линию. Рассказ превращался в цветной, объемный, живой организм. И если вдруг была нужна какая-либо иллюстрация, Андрей Палыч вскакивал, торопливо шел к книжным полкам, почти не глядя брал нужную книгу и открывал на нужной странице. Это было впечатляюще. Слушать его было абсолютным наслаждением. Жизненный опыт, помноженный на энциклопедические знания и прекрасную память, были квинтэссенцией успеха его историй, буквально завораживающих слушателей. Его мощный голос помнят все, кто слышал его когда-либо, мог становиться низким, еле слышным и пробираться до косточек.

В его метафизичных картинах, которые не кричали, жила тишина, емкая, значимая, зыбкая, тающая, уходящая в вечность. В последние годы Андрей Павлович пытался вернуться к живописи, белый подрамник стоял у окна наготове. На нем начинал проявляться гранат, но так и не проявился. Не успел. Темпера и кисти лежали рядом на полу...

Любимый сюжет картин — один дом, два дома (большой и маленький), три дерева, глубоко автобиографичен. Отцы и дети. Отца Андрей Павлович практически не помнил. Всего три эпизода остались в памяти. Война... Еще была одна большая, глубокая не проходящая внутренняя боль — не было своих родных детей. Была Поля — любимая внучка, были ученики и молодые талантливые архитекторы, к которым он зачастую относился по-отцовски, всячески помогая опереться и взлететь. Многие из них теперь сложившиеся мастера архитектуры.

А вот писать тексты, Андрей Павлович говорил, было мучительно трудно, ответственно. И это несмотря на большое количество написанных им статей и книг, по которым адепты архитектуры учатся понимать и любить профессию, находить свое место в ней. Вклад его книг и статей в развитие архитектуры, несомненно, огромен.

Андрей Павлович Гозак — это широчайшая натура. Во все, что делал, он щедро вкладывал всю свою душу, будь то семья, работа, книги, живопись, ученики, друзья.

Главная любовь его жизни — это Ирина Владимировна Коккинаки. Современной молодежи в нашем изменившемся мире, боюсь, уже невозможно понять или испытать таких чувств. Она была его радостью и гордостью. Он сам себе завидовал, верил и не верил подаренному ему свыше счастьем... Даже после своего безвременного и мучительного ухода Ирина Владимировна осталась с ним в душе и во снах. В квартире бережно хранились ее вещи, оставаясь на привычных местах. Андрей Павлович чувствовал ее присутствие всегда. А вот теперь они ТАМ вместе, я верю в это.

Андрей Павлович всегда был распахнут навстречу друзьям, знакомым и просто людям, легко отдавая все, что у него было. Помогал, как мог, нуждающимся, и деньгами, и дружеской поддержкой, бывало, давал кров и с упоением сам готовил изысканные блюда своим гостям.

Он не был легким человеком, и часто его бывало слишком много. Был непримирим и не сдержан, если это касалось вопросов принципиальных. Единственным критерием для Андрея Павловича были высокий профессионализм и архитектурный талант, перед которыми он буквально «снял шляпу». Пустозвонство и чинопочитание вызывали бурное негодование. Случалось, среди тишины очередного собрания раздавался его возмущенный оглушительный голос, и ремарки его были авторитетны и справедливы. Не возражайте. Думаю, что людей, уважающих и любивших его, было столько же, сколько и не принимающих, если не сказать больше. На панихиду в Доме архитектора пришли только друзья, искренне убитые горем утраты — в фойе Центрального дома архитектора было тесно.

Как его не хватает. Плохо без его громкого голоса, бесконечных рассказов, удивительных фантазий, увлекательных поездок и таких простых и в то же время замысловатых кулинарных изысков, например, блинов с медом и солеными огурцами и пирожков с килькой.

Книга задумана как сборник воспоминаний о друге, учителе, товарище, память о котором согревает душу, годы общения вспоминаются как подарок судьбы.

В книге помещены воспоминания людей, чьи судьбы пересеклись с судьбой Андрея Павловича и которые, как я полагаю, посчитали своим приятным долгом участвовать в этом издании, посвященном жизни и творчеству этого

неординарного человека, его архитектурным проектам, книгам, удивительной живописи, графике, фотографиям, то есть все те, кому Андрей Павлович Гозак, так или иначе, помогал в жизни и в профессии.

В текстах воспоминаний об Андрее Павловиче сохранены авторские стилистические особенности, манера изложения, тон и ритм, интонации повествования, рассуждения и забавные зарисовки из жизни. Редактор осознает, что некоторые реплики и высказывания авторов текстов могут быть восприняты читателем неоднозначно, однако считает их важными для воссоздания наиболее полного образа Андрея Павловича Гозака.

...

Мы стали старше, сами строим свою жизнь, во многом опираясь на опыт Андрея Павловича Гозака.

Его уроки не прошли впустую и часто выручают в трудную минуту.

1

биография

Коротко о себе

*Посвящаю моим родителям —
Павлу Иосифовичу и Марии Эмильевне Гозак*

Родился 12 мая 1936 года в Москве. Жил на Малой Пироговской улице, 6/8, в коммунальной четырехкомнатной квартире. В комнате 15,3 м² нас было четверо — отец, мать, старший брат и я. После войны осталось трое — отец погиб в сентябре 1941 года.

Учился в обычной школе. Лето проводил в пионерлагере, ставшем местом моей высшей социальной и спортивной карьеры — лучший пионер и знаменосец отряда, лучший спортсмен лагеря и т. д.

В 1953 году поступил в Московский архитектурный институт, после окончания которого работал в «Моспроекте». На проектной службе пробыл недолго, не более 5–7 лет. Что-то удалось построить — не очень похожее на то, что задумывал и рисовал.

Потом ушел в длительный «загул», который продолжается и по сей день. Провел много времени в экспедициях с археологами, этнографами и т. п. Объездил всю страну вдоль и поперек. Это были лучшие годы. Осталось много слайдов. Есть что посмотреть и показать другим.

За границу впервые попал в 1961 году. На поезде проехал всю Европу до Лондона и обратно. В 1963 году оказался в Финляндии, которая стимулировала мой писательский интерес. Писать об архитектуре оказалось значительно труднее, чем проектировать. Больше ответственности. Между тобой и листом бумаги никого нет.

В эти годы началось для меня серьезное осмысление архитектуры. Аалто дал мне больше, чем кто бы то ни было. В 1976 и 1978 годах вышли две книги об Аалто. А в 1983 году пришла «расплата» — премия и медаль имени Аалто, вручаемая Музеем финской архитектуры.

Написано и опубликовано было еще довольно много, в том числе и за кордоном, но не на нашем языке.

В 1971 году женился на Ирине Владимировне Коккинаки, женщине редкой красоты и обаяния. Теперь ее уже нет.

Еще оформлял выставки и книги, читал лекции дома и за рубежом, преподавал. Да и сегодня продолжаю чуть-чуть.

Из официальных служб самой примечательной оказалась работа в журнале «Архитектура СССР» с 1982 по 1991 год. Кажется, что-то интересное удалось свершить на этой ниве.

С 1960-х годов начал постоянно заниматься живописью. Все, что делал, делал с удовольствием. И если сделал что-то хорошее, то больше дома, чем на службе. В целом мне повезло. У меня были достойные родители, очень хорошая жена и много замечательных друзей и собеседников. Что еще надо?

из каталога выставки «Андрей Гозак», Москва, 2009

А.П. Гозак. 1970-е годы.
Из архива И.В. Коккинаки

Даты жизни и деятельности А.П. Гозака

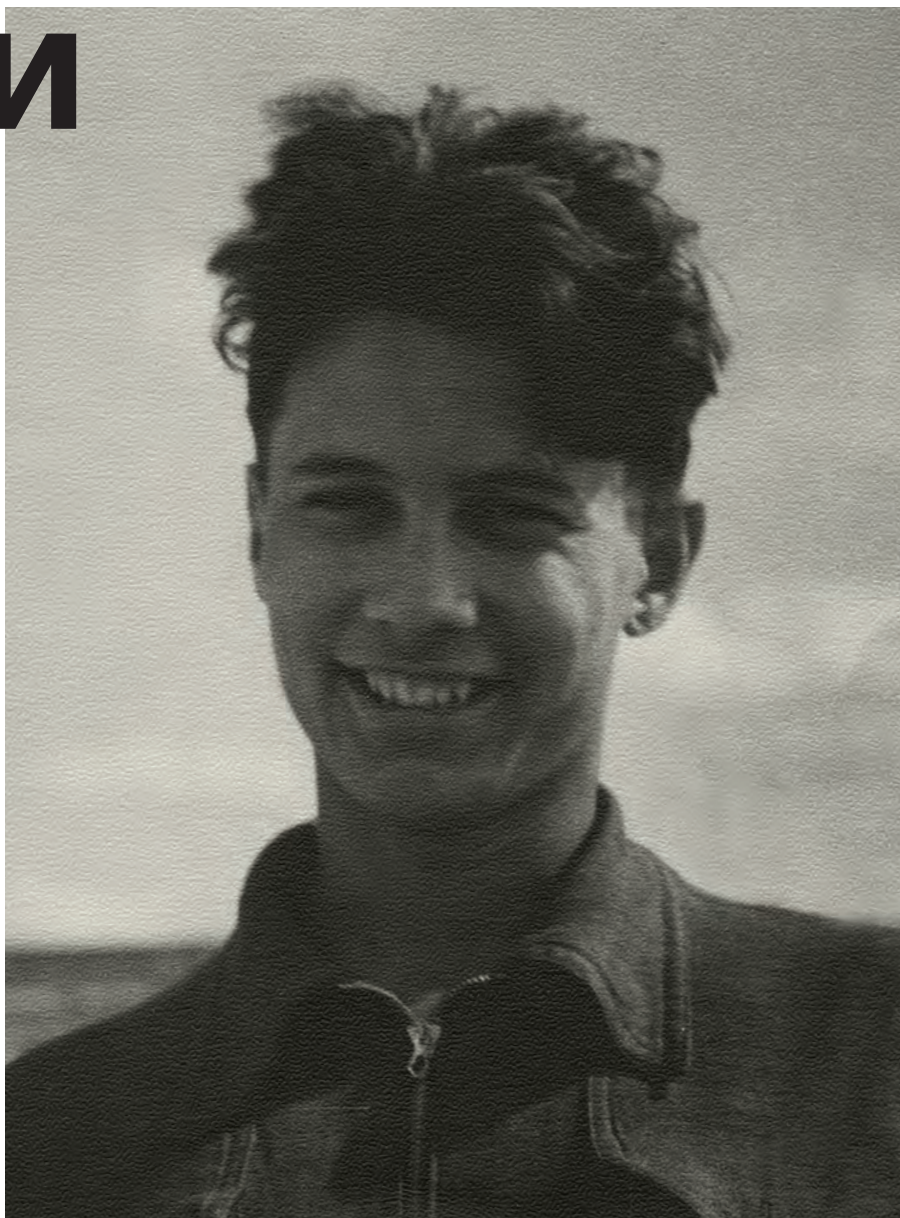
- 1936** _ **12 мая** — родился в Москве в семье Павла Иосифовича и Марии Эмильевны Гозак (в девичестве Таль)
- 1941** _ отца призывают офицером на фронт, в качестве командира взвода разведки
_ Павел Иосифович Гозак пропадает без вести
_ семья эвакуирована в Сызрань
- 1943** _ поступает в школу в Сызрани
- 1944** _ поступает в школу № 589 на Малой Пироговской улице в Москве
- 1953** _ заканчивает школу № 23 на улице Усачева в Москве
_ поступает в Московский архитектурный институт
- 1959** _ заканчивает МАРХИ, отбывает на военные сборы в город Острог и после госэкзамена распределяется в институт «Гидропласт», где не проработал ни дня
_ зачислен в институт «Моспроект», в мастерскую № 14 под руководством И.Е. Рожина
_ приказом директора института Н.Н. Осмера в составе группы архитекторов направляется в Кремль проектировать Дворец съездов, в мастерскую Е.Н. Стамо
- 1960** _ поездка в Армению, по линии Союза архитекторов СССР. Знакомство с художником М.С. Сарьяном
- 1961** _ возвращается на работу в «Моспроект»
_ первая поездка за границу, в Англию. Знакомство с постройками квартала Ганза в Берлине (А. Аалто, Ле Корбюзье, В. Гропиус, О. Нимейер)
_ конкурс на проект здания Музея Космонавтики им. К.Э. Циолковского в Калуге
_ конкурс на проект площади Встречи космонавтов при въезде в Москву с юго-запада
_ попытка организовать выставку работ И. Леонидова в ЦДА, без результата
- 1962** _ покидает мастерскую И.Е. Рожина, едет в Карелию
- 1963** _ член Союза архитекторов
_ поездка в Финляндию в составе туристической группы архитекторов «Моспроекта»
- 1964** _ участие в проектировании Дома кино в Москве
_ знакомство с Тоомасом Рейном на Всесоюзном смотре молодых архитекторов
_ работа в ЦНИИЭП торговых зданий, расположенном в здании Музея архитектуры им. А. Щусева
_ поездка в экспедицию от Государственного исторического музея на раскопки в Тамань. Возвращение в Москву через Баку, Красноводск, Бухару, Хиву, Куня-Ургенч и Самарканд

- 1965** _ поездка в археологическую экспедицию в Красноярский край: в Туву, Абакан и Минусинск
_ работа по оформлению интерьеров в СХКБ Аллы Александровны Левашовой. Участие в показе мод. Знакомство с художником М. Шварцманом
- 1966** _ поступление в аспирантуру НИИ теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры
_ поездка в Баку, Ашхабад, Самарканд, Ташкент. Знакомство с архитектором А. Ахмедовым
- 1967** _ командировка в Монреаль с целью подготовки архитектурной экспозиции в советском павильоне на Всемирной выставке
_ археологическая экспедиция на Дальний Восток
- 1966–1969** _ поездки с А. Ополовниковым в Карелию и Кижы
- 1968** _ получение диплома за построенное здание клиники 1-го мединститута на улице Россолимо в Москве
- 1969** _ отчисление из аспирантуры в связи с окончанием срока
_ поездка в археологическую экспедицию на Западную Украину и в Анапу
_ работа в мастерской №2 ЦНИИЭП зрелищных зданий с Л. Мисожниковым
- 1970** _ женитьба на Ирине Владимировне Коккинаки
_ командировка в Ригу. Организация и проведение выставки «Алвар Аалто» в Доме архитекторов в Риге (позднее эта выставка будет экспонироваться в Таллине, Тбилиси, Ереване), первая поездка в Финляндию
_ совместное с Л. Мисожниковым участие в конкурсе на проект Музея революции на участке Провиантских складов в Москве
- 1971** _ работа над проектом городской библиотеки Куйбышева
_ вторая поездка в Финляндию, при содействии общества «СССР — Финляндия»
_ защита диссертации на кафедре ландшафта МАРХИ по теме «Композиционные проблемы связи архитектуры и ландшафта. На примере Швеции, Норвегии и Финляндии». Руководитель А.В. Иконников. Подготовка и проведение нескольких выставок современной финской архитектуры в Москве
_ чтение лекций о финской архитектуре и творчестве А. Аалто
- 1972** _ участие в конкурсе на реконструкцию центрального квартала Сантьяго, Чили, в содружестве с С.М. Бархиным и Е.Б. Новиковой
_ работа в ЦНИИП градостроительства в отделе архитектурно-художественных проблем города
_ открытие в Доме дружбы с народами зарубежных стран выставки «Современная архитектура Финляндии в фотографиях А.П. Гозака»
_ участие в сборнике «Архитектура Запада». Оформление обложки книги
- 1974** _ поездка в Финляндию. Знакомство с А. Аалто и Р. Пиетилля
- 1976** _ предпроектные исследования территории Самарской Луки с целью создания там национального парка
_ издание книги «Алвар Аалто» в серии «Мастера архитектуры», издательство «Стройиздат»
- 1976–1977** _ преподавание в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы
_ работа у С.О. Хан-Магомедова в Отделе теории и истории художественного конструирования во ВНИИТЭ
- 1978** _ издание книги «Алвар Аалто. Архитектура и гуманизм», издательство «Прогресс»
- 1980** _ последняя поездка в Кижы
- 1981** _ поездка в археологическую экспедицию в Дагестан
_ второй несостоявшийся доклад на I Международном архитектурном симпозиуме имени Алвара Аалто
- 1982–1991** _ работа в журнале «Архитектура СССР»
- 1983** _ присуждение А. Гозаку Музеем финской архитектуры премии и медали Алвара Аалто
- 1985** _ член Союза художников
_ смерть мамы, Марии Эмильевны Гозак
- 1987–2011** _ поездки в Финляндию, личные встречи с Р. Пиетилля, А. Руусувуори, К. Гулликсеном, Ю. Лейвиска, Ю. Палласмаа, М. Комоненом и др.
- 1987** _ снят запрет на выезд в Финляндию. Поездка с целью изучения архитектуры Аалто, знакомство с Элиссой Аалто
- 1988** _ издание в Лондоне книги «Иван Леонидов», издательство Academy
- 1989** _ презентация книги «Иван Леонидов» в Лондоне и США
_ лекции и встречи с архитекторами в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне
_ поездка во Францию
- 1990** _ подготовка и проведение выставки к 100-летию К.С. Мельникова в ГМИИ им. Пушкина
_ лекция на Международном конгрессе архитекторов в Канаде
- 1991** _ поездка в Техас, город Остин, на открытие выставки «Бумажная архитектура: новые проекты из Советского Союза»

- _ поездка с И. Коккинаки в Хельсинки читать лекции в Университете дизайна по истории русского художественного авангарда
- 1991, 1994, 1997, 2001, 2009** _ участие в Международном архитектурном симпозиуме имени Алвара Аалто в Финляндии
- 1992** _ поездка в Италию. Венеция, Ассизи, Сиена, Рим, Пестум
- 1992–2012** _ преподавал в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС) на факультете сценографии дисциплину «Проектирование и техника выполнения проекта»
- 1993–1997** _ проекты офисов, небольшого пансионата, детской спортивной школы, проекты и постройки частных домов в Подмоскovie
- 1996** _ выставка живописи в ЦДА
- _ участие в подготовке выставки «Таллинн — Москва. 1956–1985»
- _ 64 статьи о русских и советских архитекторах для «Dictionnaire de l'architecture du XXe siècle» (Jean Paul Midant, dir.), Paris, Hazan
- _ статьи о русском и советском дизайне для «Dictionnaire international des arts appliques et du design», Paris, Editions de regard
- _ издание книги Juhani Pallasmaa with Andrei Gozak «The Melnikov House», London, Academy Editions
- _ комиссар выставки на Миланской триеннале «Судьба одной территории»
- 1997** _ получение двухгодичного исследовательского гранта Гетти по теме «Феномен соцгорода. Архитектура новых городов СССР периода первых пятилеток». Исполнители А. Гозак, И. Коккинаки и И. Травин
- 1998** _ участие в праздновании 100-летия А. Аалто в Хельсинки
- _ издание книги «Максим Былинкин», издательство «Моспроект»
- 2002** _ академик Российской академии художественной критики
- _ издание книги «Иван Леонидов», издательство «Жираф»
- 2003** _ создание каталога выставки в Германии «Москва. Видение города»
- 2004** _ смерть Ирины Владимировны Коккинаки
- 2005** _ поездка в Геную, Венецию
- 2007** _ лекции «Русский художественный авангард первой трети XX века» в Мадриде
- _ издание книги И. Коккинаки и В. Карпия «Гений неба. Владимир Коккинаки»
- _ две выставки живописи в БЦ «Романов двор», Москва
- 2008** _ поездка в Таллин на открытие выставки Таллинской школы в Таллинском музее архитектуры
- _ поездка в Выборг. Посещение библиотеки А. Аалто
- _ поездка в Самару с учредителями Общества охраны архитектурного наследия (MARS)
- 2009** _ издание книги в соавторстве с В. Стадниковым и К. Сесил «Самара: наследие под угрозой», издательство MARS+ROBOT Architects, при поддержке Save Europe's Heritage
- _ выставка творческих работ «Андрей Гозак. К 50-летию окончания МАРХИ». Белый зал МАРХИ
- _ издание книги в соавторстве с В.С. Крыловой «Илья Чернявский», издательство СМА
- _ поездка в Крым, дважды поездки в Финляндию
- 2010** _ издание книги «Александр Ларин», издательство TATLIN
- _ поездка в Венецию, Болонью, Флоренцию, Рим, посещение церкви Риола в Вергато А. Аалто
- _ поездки во Францию, Голландию, Эстонию, Швецию
- 2011** _ издание книги «Дом Мельникова» (серия «Шедевры авангарда»), издатель С.Э. Гордеев
- _ издание книги «Ценности жизни — ценности архитектуры», издатель С.Э. Гордеев
- _ выставка «От избы до небоскреба». Галерея ВХУТЕМАС, МАРХИ
- _ издание книги «Наркомтяжпром Леонидова» (серия «Шедевры авангарда»), издатель С.Э. Гордеев
- 2012** _ поездка в Рим
- _ **18 апреля** — умер в Москве, похоронен в селе Рождественно Истринского района Московской области
- _ **12 мая** — выставка живописи «Гозак, Диллендорф, Морозов, Нестерова, Резников». Галерея М'АРС, Москва

2

**СТУДЕНТ
МАРХИ**

Почему архитектура

То, что я стал архитектором, — очевидная случайность.

Родился в семье неархитекторов. Учился в обычной школе. В архитектурный институт поступил с трудом. Особых способностей во время учебы не проявлял.

До десятого класса об архитектуре не было и речи. Но к рисованию тяга была — не в самом раннем детстве, когда все дети — «гениальные» художники. Скорее, в школьные годы. Умение нарисовать похоже (или попросту срисовать) было замечено — поэтому часто заставляли делать стенгазеты. Недолго занимался в кружке рисования районного Дома пионеров, но никаких художественных школ не кончал.

В старших классах увлекся ботаникой. Посещал одноименный кружок в расположенном рядом Пединституте — выращивали нечто мичуринское. Подумывал о профессии лесовода.

Поворот к архитектуре произошел в десятом классе. Любил гулять по городу и следить за стройками, особенно высотных домов. Тут и родилось честолюбивое желание построить что-то подобное.

Надо добавить, что в те годы в витринах магазинов на улице Горького по праздникам выставляли новые архитектурные проекты. И многое из того, что теперь публикуют в книгах о сталинском стиле, я видел живьем в подлинниках. Так возник интерес к архитектуре. И окончив весной 1953 года школу, я решил поступать в Московский архитектурный институт.

Стоит сразу сказать, что ни разу я не жалел о своем выборе — ни тогда, когда поступил в институт, ни теперь, по прошествии 50 лет после его окончания.

Сентябрь 1953 года. Получив на вступительных экзаменах 32 или 33 балла из 40, я попал в дополнительный набор. Поэтому приступил к занятиям на две недели позже. Первый день в архитектурном институте запомнился очень хорошо. Меня встретила Марина Турецкая — староста второй группы, куда я был зачислен, и отвела сначала в деканат, а затем в нашу аудиторию, которая находилась на четвертом этаже соседнего корпуса.

Тогда я, естественно, не знал, что строил его Александр Васильевич Кузнецов, замечательный русский гражданский инженер, архитектор, блистательный знаток железобетона. Впоследствии, уже в середине 1990-х годов, мне посчастливилось познакомиться с его дочерью — Ириной Александровной Кузнецовой, изящной маленькой старушкой,

с которой я встречался несколько раз в Музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, где она работала, и обсуждал статью об Александре Васильевиче для Архитектурной энциклопедии XX века.

Мы вошли в большую, светлую, сплошь остекленную комнату в тот момент, когда там велись занятия по «Основам архитектурного проектирования». За преподавательским столом стоял небольшого роста лысоватый мужчина и что-то объяснял студентам. Рядом сидели две молодые женщины — его ассистенты.

Мужчину звали Михаил Александрович Туркус, а женщин — Мария Николаевна Крюкова и Нина Тимофеевна Кабатова. Никто из нас не подозревал тогда, что перед нами стоял человек, бывший всего тридцать лет назад членом легендарной АСНОВА, другом и соратником Н.Ладовского и В.Кринского по преподаванию дисциплины «Пространство» во ВХУТЕМАСе, современник и участник мощного движения, получившего во всем мире название русского архитектурного авангарда.

Трудно было предположить, что Туркус когда-то в молодости выступал в роли авангардиста. Еще невозможнее было представить в этом обличье Кринского, завкафедрой «Основ архитектурного проектирования», создавшего в начале 1920-х годов серию гениальных кубофутуристических фантазий, экспериментальных проектов зданий будущего, на основе которых нынешние западные «звезды» деконструктивизма сделали свои карьеры.

Обо всем этом я узнаю значительно позже. А пока приходилось заниматься совсем другим (в отличие от студентов ВХУТЕМАСа) — чертить классические ордера и отмывать китайской тушью фасады и перспективы.

Группа была большая — кажется, 33 человека. Из них треть — девочки. Это поражало. Ведь все предшествующие десять лет в школе мы учились отдельно, и девочек приводили

Андрей Гозак. 1954 год.
Из архива И.В. Коккинаки

Андрей Гозак. Первый курс МАРХИ.
1953 год. Из архива И.В. Коккинаки

к нам иногда — например, на вечера, где они выполняли роль партнерш в популярных тогда бальных танцах.

Учился средне — в черчении, отмывке, рисунке на твердые четверки, уступая многим, кто пришел из техникума или художественной школы. Но все же по окончании двух лет учебы смог достичь некоторых высот — отличных оценок и даже «Метфонда». Запомнились две работы — отмывка фасада дома Кологривовых в Калуге и перспектива внутренней колоннады храма Посейдона в Пестуме. Последняя как раз получила «Метфонд», оставшись в архиве кафедры, в отличие от остальных чертежей, которые сохранились дома.

Судьба через много лет предоставила мне возможность увидеть в натуре оба здания — побывать и в Калуге, и в Италии.

Учиться было очень интересно. Работали много и допоздна. Быстро осваивали секреты архитектурной «кухни» — наклейку бумаги на подрамник (первый лист я наклеил целиком, вызвав искреннее удивление Туркуса), стирание карандашных линий черствой крошкой белого хлеба, приготовление китайской туши натиранием палочки о фарфоровую поверхность блюда или чашки и т. п. Сдавали задания, зачеты, экзамены. Процесс, как говорится, шел, но не без курьезов. Вспоминаю два из них. Первый произошел в нашей группе, когда объектом «шутки» стала одна студентка, раньше других окончившая задание и, почив на лаврах, удалившаяся домой. Быстро пришла расплата — на подрамник с аккуратно выполненным чертежом был опрокинут пузырек от туши, из горлышка которого «вытекала» большая черная клякса, мастерски вырезанная из черной бумаги. По приходе на следующий день хозяйка чертежа буквально впала в истерику, которую удалось остановить быстрой сдвижкой фальшивой кляксы, выполненной автором рискованного фокуса.

Второй имел более масштабный, институтский резонанс. И хотя его «герой» не превзошел, вероятно, славы М. Ушаца (фамилию которого знает все архитектурное сообщество), но, безусловно, обогатил словарный запас истории искусств.

Все произошло на первом же зачете по истории искусств, который принимал Н.И. Брунов. Используя отработанный прием «угадайки», он листал том «Всеобщей истории искусств» и, закрывая одной рукой подпись, спрашивал, что изображено на картинке. Один из наших однокашников из так называемых национальных меньшинств поразил профессора прямо в сердце. После длительного безответного пролистывания книги Николай Иванович остановился на Венере Милосской и наконец услышал долгожданный

ответ: «Баба». Профессор не растерялся. «А ведь действительно баба», — согласился он и поставил зачет.

Рассказывали, что впоследствии этот студент, вернувшись домой после окончания института, стал очень известным архитектором, заняв все возможные должности в этой автономной республике.

В первые летние каникулы удалось съездить во Владимир и Суздаль, провести целый день на Нерли, переночевав прямо в стогу напротив церкви Покрова.

Пригласил нас Володя Строганов, приехавший учиться из Владимира. Это был, безусловно, самый удивительный человек в нашей группе. Одаренный от природы, он рисовал легко и изящно. Попал в институт без всякого блат и подготовки. Правда, иногда выкидывал «штучки». Так, в самом начале поразил руководство кафедры иностранных языков, заявив, что хочет изучать вместо предложенных на выбор английского, немецкого или французского — мордовский. Возможно, в силу симпатии или причастности к этой народности В.И. Ленина.

К сожалению, о его дальнейшей судьбе мне ничего не известно. После окончания второго курса повезло — попал на строительную практику в Питер. Теплое лето, белые ночи, набережные, дворцы, парки — все слилось в «праздник, который всегда с тобой». Жил шикарно — рядом с Летним садом в здании Училища барона Штиглица, которое называлось тогда ЛВХПУ им. В.И. Мухиной.

Лишь первый день, вернее, первая ночь выпала из общего «праздника». Я провел ее в так называемом Доме крестьянина, размещенном в одном из корпусов бывшего Смольного монастыря Б. Растрелли. Огромная комната кроватей на двадцать кишела клопами — спать было невозможно. Мой сосед, с которым мы вместе приехали на практику, немец из ГДР Ф. Калуше, всю ночь, зажигая свет, вел с ними отчаянную борьбу. Так началось наше знакомство с великим городом.

...

Быстро пролетели два года. Мы, безусловно, многому научились. В заключение даже выполнили первый самостоятельный проект — естественно, в классическом стиле. Архитектурная перестройка только начиналась.

К третьему курсу все мы довольно ловко умели чертить и отмывать. Теперь надо было начинать проектировать. А как и в каком стиле? Этого никто не знал, включая и наших новых преподавателей — А. Душкина, И. Телятникова и В. Голубева.

искусственно. Атмосферу того времени не надо заново пытаться переживать сейчас. Это будет выглядеть достаточно нелепо, глупо.

Андрей Павлович был очень веселый. Он обладал таким специфическим юмором, который всегда напрягал поначалу, повторю, даже казался порой агрессивным, но на самом деле агрессии не было. На самом деле это был человек, который умел говорить с другими людьми, вот это совершенно точно, это умел делать. Это было всегда страшно интересно. На встречах его выступления были всегда очень яркие, очень запоминающиеся. Они были всегда принципиальные и открытые. Он юлить не умел. Политес он умел отодвинуть и умел прямо сказать людям, что о ком думает. Я много раз присутствовал при таких разговорах и всегда ценил в Андрее Павловиче открытость, принципиальность. И он защищал определенные ценности архитектурного цеха, что-то в профессии, то, что сейчас мы теряем, то, что сейчас размывается. Не будем говорить, кто в этом виноват, потому что архитекторы виноваты, мы виноваты, но время такое.

Я иногда думаю: «Слава богу, он не видит уже происходящего». Ну, может быть, и видит оттуда, где он пребывает, я надеюсь, но по крайней мере он чисто по-человечески это не переживает, а он переживал бы совершенно страшно то, что сейчас очень часто происходит. Он переживал бы сильно, от каких-то моментов он бы страдал физически... может быть, и хорошо, что сейчас он не участвует в каких-то дискуссиях, стычках.

А с другой стороны нам его очень сильно не хватает, как всегда в жизни не хватает яркой, открытой, талантливой личности, которая могла создать вокруг себя атмосферу и доброжелательности, и принципиальности.

В общем, это был человек. Последнее, что скажу, — это был мужик. Вот это всегда вызывало у меня уважение, и оно было взаимным.

В.И. Плоткин, А.П. Гозак.

Открытие выставки «От избы до небоскреба». Галерея ВХУТЕМАС.
Май 2011 года

Владимир Ионович Плоткин из беседы

По гамбургскому счету

Заочно имя Андрея Павловича Гозака мне было знакомо, в первую очередь с давних, еще студенческих времен по журналу «Архитектура СССР», где встречались его статьи. Он представлялся мне прогрессивным, достаточно тонким человеком, знатоком современной архитектуры, увлекающимся скандинавской архитектурой, творчеством Алвара Аалто, очень бескомпромиссным человеком, нацеленным на все современное и прогрессивное.

И в какой-то момент, в 1999-м году, совершенно неожиданно, меня с ним познакомил Дмитрий Фесенко. Он собирался писать статью для журнала «Архитектурный вестник» о жилых домах, которые недавно были построены по нашим проектам в проезде Загорского, сказав, что проекты интересные и хотелось бы их проанализировать и обсудить по большому гамбургскому счету. Я спросил: и что же это будет за такой большой «гамбургский счет». Это будет Андрей Павлович Гозак.

Мы встретились с Дмитрием Фесенко и Андреем Павловичем и посетили три дома, благо они находились относительно недалеко друг от друга, так что это было не очень утомительно. Мне запомнилась эта поездка. В общении Андрей Павлович оказался исключительно комфортным человеком,

очень удобным, очень остроумным и абсолютно своим, то есть, несмотря на разницу в возрасте, отношения сложились мгновенно, став дружескими и уважительными — такое редко бывает. Практически мгновенно. Вердикт относительно домов меня очень удивил. Не было ни малейших попыток что-то как-то подсластить или сказать непременно приятное. Был подробный анализ. Андрей Павлович делился своими впечатлениями, которые где-то были критичными, где-то хвалебными, а где-то остроумно-шутливыми. Кстати, когда я ему показал план дома в проезде Загорского, который мы называли потом «катамараном», он обратил внимание на острый угол. И действительно в лоджии один торец заканчивался острым углом. Гозак заметил, что это, как сказал бы Алвар Аалто, очень удобное место — «не знаю, можно ли сюда что-то поставить, но карандаши затачивать здесь точно можно». Мы посмеялись и даже попробовали заточить пушку¹, благо там не было еще чистовой отделки. Все это было достаточно непринужденно, свободно, легко. Я не могу сказать, что после этого мы как-то очень подружились, но испытывали друг к другу уважение и симпатию. Он часто звонил и делился своими впечатлениями о каких-то объектах.

Андрей Павлович — это человек безапелляционно прямой, он никого не боялся, суждения свои высказывал достаточно резко, в откровенной форме. Иногда мне действительно хотелось с ним по diskutieren на профессиональные темы, потому что, как мне казалось, не всегда его суждения были абсолютно справедливы. Я понимал, что все это он тоже прекрасно понимает. Но у любого дискурса есть определенное правило: если нужно что-то донести, какую-то тему, то ее нужно дожать по полной программе. И он это умел делать виртуозно, так что всегда было интересно.

У нас сложились теплые, хорошие отношения. Я с удовольствием принял его приглашение на юбилей к 70-летию. Было приятно.

В последний раз я его видел на встрече московского архитектурного клуба «Мак». Это был конец 2011 года, было холодно, встреча состоялась в школе, построенной за Театром Советской армии. Там выступал Андрей Павлович, это была даже не дискуссия, а разговор профессионалов. Достаточный человек. Есть люди, которые могут быть значимыми и интересными, но не запоминаются, а он мгновенно

зафиксировался в памяти, и даже на дальних подступах его ни с кем не спутаешь. Мгновенно узнаваемый. Манера общения, конечно, тоже удивительная, абсолютно индивидуальная.

Внутреннее раскрепощение было полное, он мог говорить нелицеприятное или лицеприятное о ком угодно, что хотел, то и говорил, и правильно делал.

Сергей Александрович Скуратов

из интервью

Хотелось говорить серьезно о серьезных вещах

Каждый раз появление Гозака было праздником. Это целый роман, как об этом расскажешь? Не расскажешь же, сколько водки выпито, сколько историй проговорено, сколько переживаний, чувств. Я был ему всегда рад. Когда Андрей приходил в мастерскую, мы всё бросали и спешили говорить с ним о важном, потому что говорить о работе было как-то неловко — казалось, что все, что мы делаем, — «недостойно».

Сложно объяснить, но Гозак был другой человек. Он являлся высокой планкой, лакмусовой бумажкой — любая фальшь мгновенно становилась очевидной. Андрей Палыч не терпел банальностей, был противником разговоров на тривиальные, неинтересные, скучные темы. Все его рассказы были невероятны, история его жизни — это необыкновенное приключение.

В чем-то мы были очень близки. Он мне рассказывал про Ларина, с которым вместе работал, про его юношеские годы, про их первые архитектурные опыты, рассказывал про свои первые студенческие проекты, про какие-то «фокусы», которые он вытворял в МАРХИ, как профессора его бесконечно ругали и параллельно бесконечно хвалили.

В своей жизни мы, бывает, пытаемся вытравить из себя фальшь, лицедейство, театральность, какое-то, мягко говоря, хвастовство, в скобках «вранье». Часто, рассказывая о различных ситуациях, хочется эту ситуацию идеализировать, сделать ее более интересной, не такой, какой она была в жизни, что называется, приукрасить, приврать для интереса. Но в беседе с Андреем Палычем не было такого

¹ «Пушкой» в МАРХИ называют карандаш со вставным толстым графитовым стержнем. — *Примеч. ред.*

желания, наоборот, хотелось «обнажиться» и рассказать тот или иной случай таким, какой он и был в реальности, что-то не позволяло врать. Может, это все поколение было таким, потому что я и с Лариным так общался, и с Гозаком, и с Юдинцевым. Мне хотелось говорить серьезно, о серьезных вещах, но и о веселых вещах тоже, тогда возрастная дистанция сокращалась.

Я не могу сказать, что мы с ним дружили, но мы очень часто виделись благодаря нашей профессиональной дружбе и работе с Александром Дмитриевичем. Но даже когда наши пути с Лариным разошлись, я уже «вырос» и не нуждался в опеке, стал работать самостоятельно, все равно мы очень часто встречались с Андреем в Союзе архитекторов, пересекались на различных мероприятиях. На призыв: «Пойдем куда-нибудь посидим, выпьем, поболтаем», — я с радостью поддавался.

Пожалуй, кроме поездки в Финляндию, у нас более длительного времени общения и не было, так как компания была большая и не получалось общаться тет-а-тет, не было частных разговоров. Они, скорее, были тогда, когда Гозак

А.П. Гозак, А.И. Чалов,
В.П. Юдинцев, И.К. Чалов,
С.А. Скуратов, Б.Р. Баишев,
Е.А. Ларина, А.Д. Ларин,
В.В. Богачкин, О.В. Камышова.
Церковь Трех крестов в Иматре,
Финляндия. Осень 2003 года.
Фото А.И. Чалова. Из архива
В.П. Юдинцева

А.П. Гозак, В.П. Юдинцев,
Б.Р. Баишев, С.А. Скуратов,
В.В. Богачкин, О.В. Камышова,
А.Д. Ларин. Финляндия. 2003 год.
Фото А.К. Чалова. Из архива
В.П. Юдинцева

приходил к нам в мастерскую, где нас сидело четверо архитекторов. У нас была большая, метров, наверное, триста, мастерская на пересечении улиц Луначарского и Весниных. Располагалась она в цокольном этаже и была в ужасном состоянии: с разбитыми потолками, полами, дырами куда-то в подвал, что, впрочем, никого не смущало. Окна выходили во двор и открывались настежь. В помещении стояли чертежные столы, висели макеты, было очень уютно, там мы просидели много-много лет, и никто нас от туда не гнал. Вот там мы могли говорить обо всем. Андрею Павловичу очень нужны были слушатели, потому что он носил в себе большое количество историй, и был великим рассказчиком, таким же, как А.И. Таранов, из тех, кого я знаю. Ныне, наверное, таких больше и не осталось.

Гозак был человек нетривиальный, чего только стоит его манера говорить. Такие люди, как Андрей, оставляют очень яркий след в обществе, яркость которого не в том, что он оставил постройки или написал книги, хотя и это было. Наверное, главное, как говорил Аксенов, он как-то меня обжег своим необычайным человеческим темпераментом.

При воспоминании об Андрее у меня перед глазами почему-то возникает поэма Маяковского «Облако в штанах». Андрей Павлович — это было явление, событие. Лицо! Нос! Губы!